

«Мечтаю слиться с кадрами работников Союза
по моей специальности»:
проблема репатриации в среде художников-эмигрантов
во Франции (1920–1930-е гг.)

Константин В. Краснослободцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, constkras@gmail.com*

Аннотация. В первые пореволюционные годы отношения творческой интеллигенции и молодой советской власти складывались сложнее, чем у представителей других социальных групп. Так, среди художников-эмигрантов наблюдается целый спектр моделей построения отношений с большевиками: от сросшихся с военной эмиграцией, непримиримых противников «Совдепии» через сомневавшихся, державших нейтралитет, до яростных сторонников. У художников своеобразный «коридор раздумий», период, в течение которого необходимо определиться со своим отношением к новой власти, был более продолжительным. Однако поддерживать статус «амбивалентной эмиграции» можно было лишь непродолжительное время. Творческая интеллигенция не имела отдельной амнистии для возвращения, но советская власть пыталась способствовать возвращению деятелей культуры и искусства. К ним применялись инструменты не массовой агитации, но точечная проработка, иногда с помощью родных, оставшихся в России. В отношении художников шли в ход аргументы, апеллирующие к их творческой самореализации, востребованности и «нужности» их искусства на родине. Особенности репатриации в среде российских художников-эмигрантов во Франции рассмотрены автором на основе архивных документов.

Ключевые слова: русская эмиграция, художественная эмиграция, художник, Франция, архивы, репатриация

Для цитирования: Краснослободцев К.В. «Мечтаю слиться с кадрами работников Союза по моей специальности»: проблема репатриации в среде художников во Франции (1920–1930-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 120–131. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-120-131

“I dream of being with my colleagues in the Soviet Union”: the problem of repatriation among émigré artists in France (1920s–1930s)

Konstantin V. Krasnoslobodtsev
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, constkras@gmail.com*

Abstract. In the first years after the revolution, the relations between the intelligentsia and the young Soviet government were more complicated than those of other social groups. Among the emigrant artists, there is a whole range of models of relations with the Bolsheviks: from military emigration, irreconcilable opponents of the “Sovdepia” through doubters who kept neutrality, to fierce supporters. The artists had a large “period of reflection” during which it is necessary to determine their attitude to the new government. However, it was possible to maintain the status of “ambivalent emigration” only for a short time. The intelligentsia did not have a special amnesty to return, but the Soviet government tried to return cultural and artistic figures. They were treated not with the tools of mass agitation, but with personal influence, sometimes with the help of relatives who remained in Russia. In relation to artists, arguments were used appealing to their creative self-realization, the demand and “necessity” of their art at home. Features of repatriation among Russian emigrant artists in France are considered by the author on the basis of archival documents.

Keywords: russian emigration, artistic emigration, artist, France, archives, repatriation

For citation: Krasnoslobodtsev, C.V. (2022), “ ‘I dream of being with my colleagues in the Soviet Union’: the problem of repatriation among émigré artists in France (1920s–1930s)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 120–131, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-120-131

Политика новых советских властей в отношении бывших подданных Российской империи, оказавшихся по тем или иным причинам за границей, определила проблему репатриации. На протяжении 1920-х гг. советское законодательство в отношении эмигрантов совмещало репрессивные меры с амнистированием отдельных категорий граждан. С одной стороны, новая власть демонстративно лишала эмигрантов имущества и других прав, с другой – стремясь внести раскол в ряды Белого движения, большевики предлагали «индულгенцию» вчерашним противникам в Гражданской войне. По мнению Г.Я. Тарле, бросается в глаза непоследовательность

этого законодательства, что объясняется отсутствием единой политической стратегии коммунистической партии и советского государства [Тарле 1997, с. 33–34]. Все это вкупе с тем, что в отношении деятелей культуры и искусства не было специальной амнистии, создало условия для их «инициативной репатриации». Каждый случай возвращения становился глубоко индивидуальным актом, как в правовом, так и в моральном отношении.

Возможность возвращения на родину, и шире, отношение к новой власти, стратегии поведения по отношению к ней – все это было темой горячих дискуссий в эмигрантской среде [Бочарова 2009; Бочарова 2015]. Ситуация не была однородной в хронологическом отношении. Если в 1920-х гг. между русскими за рубежом и родиной могла существовать мобильность, то с наступлением 1930-х гг. эмигранты должны были сделать окончательный выбор статуса. Оказываясь в эмиграции, художники принимали определенную стратегию поведения в отношениях с Советским Союзом: от непримиримости Ф. Малявина через вежливо-холодный нейтралитет художников круга А.Н. Бенуа до выступления в советской печати без псевдонима, как Ю. Анненков. На протяжении 1920-х гг. художники могли пользоваться привилегиями, которые давал им межвоенный Париж не только как столица российского рассеяния, но и как мировой художественный центр, в котором сходились пути совершенно разных творческих направлений. Такое положение позволяло иметь контакты с советскими коллегами, получать информацию о происходящем в России «из первых рук» [Толстой 2019, с. 249]. Имеются свидетельства многочисленных личных контактов между художниками-эмигрантами и их советскими коллегами. Выезжавшие весьма интенсивно за границу до 1929 г. советские художники, оказываясь в Париже, не избегали контактов со старыми знакомыми. Так, П.П. Соколов-Скаля навещал Александру Экстер, И.Э. Грабарь виделся с А.Н. Бенуа, А.П. Остроумова-Лебедева – с А. Яковлевым, Е. Лансере – с З. Серебряковой и др.

Современный искусствовед и историк И.В. Обухова-Зелинская предлагает термин «амбивалентная эмиграция», которую характеризует «готовность остаться или уехать, в зависимости от различных обстоятельств» [Обухова-Зелинская 2012, с. 47]. Если в 1920-х гг. «амбивалентная эмиграция» была свойственна значительной части русской колонии, то с наступлением следующего десятилетия проблема «уехать или остаться» превратилась в «онтологическое решение с непредсказуемыми последствиями в каждом отдельном случае». Эмигранты, находившиеся в такой «полупозиции», были самыми уязвимыми с точки зрения советской агитации. «Амбивалентная эмиграция» не позволяла начать полноценной

адаптации, а просоветская позиция зачастую прямо ей мешала, как в случае с Ю. Анненковым, который «мечтал стать полноправным участником французской художественной жизни, но “московский аттестат” ему в том препятствовал» [Янгиров 2005, с. 317].

Нежелание идти на открытую конфронтацию с новым режимом вынуждало эмигрантов быть максимально деликатными в общении с родиной. Готовя письмо А.М. Горькому, А.Н. Бенуа попросил сына посмотреть его и высказать мнение. В фонде А.Н. Бенуа, хранящемся в РГАЛИ, находим ответ Николая Бенуа:

Лучше не затрагивать лишний раз причины [*подчеркнуто автором письма*. – К. К.] нашего пребывания в «за границах», объясняя условия жизни на Руси «неустойчивостью» и неспособностью нашей «подслуживаться», что при болезненной растравленной эмигрантской прессой психологии А.М. может даже прозвучать в его ушах несколько обидным намеком. <...> Я бы избежал тоже пассаж о «служить готов, прислуживаться тошно...»¹.

Несмотря на длительные сомнения, сам Н. Бенуа решает вопрос о репатриации отрицательно. В его неопубликованной переписке с отцом интересно следить за доводами, которые он, кажется, приводит для самого себя, а не для родителей:

Дело в том, что я твердо решил переменить наконец паспорт и в этом жесте как-то наконец символично выразить перед самим собой свое отношение к большевизму. <...> Признаюсь, я до сих пор, впрочем, не знаю хорошо ли я поступаю, ибо так окончательно рвать с Россией, обреченной еще, быть может, на многие годы выносить эту власть, конечно слегка жутковато, особенно при растущем повсюду шовинизме. Но, как вам сказать – какое-то непобедимое чувство нынче – после шести лет житья-бытья с этим паспортом – заставляет меня вдруг приняться за эти сложные хлопоты².

За пропаганду репатриации в эмигрантской среде отвечали влиятельные просоветские организации, как, например, «Союз возвращения на родину» (Совнарод) и др. Рупорами становились многочисленные газеты и журналы: «На Родину», «Новая Россия», «Руль», «Наш союз» и некоторые другие. Задачи советской прессы за рубежом литературовед Я.З. Черняк, автор докладной записки в ЦК ВКП(б) по этому вопросу, определял так:

¹РГАЛИ. Ф. 938. Оп. 2. Д. 221. Л. 48об.–49.

²Там же. Д. 222. Л. 9.

Говорят, что у нас нет искусства. Надо показать это искусство. Говорят, что большевики разрушили музеи, памятники старины, книгохранилища – надо показать музеи, памятники старины и книгохранилища, – как в Советской России. Говорят, что у нас города пришли в упадок, что у нас нет строительства, что положение рабочего класса в культурном отношении хуже, чем до революции – надо показать, что все это ложь³.

Такое послание, опубликованное в советской зарубежной прессе, находило своих адресатов, в том числе и среди художников. Н. Бенуа делился в письме отцу впечатлениями от советской периодики:

Страницы полны снимками с грандиозных заводов, плотин, станций и целых новых городов! Все при этом самого отвратительного, леденящего душу стиля. Негде глазу порадоваться, но как постройка – *c'est gigantesque*⁴.

Проблеме репатриации в среде русских эмигрантов посвящены отдельные публикации в периодике и главы в монографиях, ясно, однако, что художники-эмигранты не были основной аудиторией агитации через прессу. Тактика относительно художников была несколько иной. Во Франции их старались сплотить вокруг просоветски настроенных объединений, печатных изданий и галерей. Среди подобных инициатив в Париже выделялось издание «Наш Союз», выходившее в разных видах (журнал или газета) с 1926 по 1937 г. Редакция «Нашего Союза» проводила литературные вечера и выставки. Симпатизировавшая СССР художественная общественность группировалась также вокруг галерей «Бийе» (Billet), «Ликорн» (La Licorne) и «Зак» (Zak).

Помимо этого, в «проработке» художников-эмигрантов участвовали и официальные советские представительства за рубежом [Лейкинд, Северюхин 2015, с. 429]. Точечное обращение, очевидно, было избранной тактикой советских властей относительно деятелей культуры. Брат художницы З. Серебряковой, Евгений Лансере писал в дневнике 1938 г.: «Настойчивость Кеменова по поводу Зины, его разговор с Литвиновым... [*наркомом по иностранным делам СССР. – К. К.*]»⁵. Подтверждение визитов к З.Е. Серебряковой директора ГТГ (1938–1940) и председателя правления Всесоюзно-

³РГАЛИ. Ф. 2208. Оп. 2. Д. 547. Л. 1об.

⁴Это величественно (фр.). РГАЛИ. Ф. 938. Оп. 2. Д. 222. Л. 10об.

⁵Лансере Е. Дневники. Т. 3. М., 2009. С. 292.

го общества культурной связи с заграницей – ВОКС (1940–1948) В.С. Кеменова находим и в ее собственных письмах⁶. Сразу после войны подобные предложения возобновились и для А.Н. Бенуа. Художник признается в письме в М.В. Добужинскому, что получил через посредство советского посольства письмо от И.Э. Грабаря, который зовет на родину, но «...желания нет! Я большой охотник заглядывать в кулисы, но все же заглянуть за железный занавес этого театра у меня желания нет»⁷.

Чуть менее официальным способом склонить художников к решению о репатриации можно считать письма от родных и близких из СССР. Письма от родственников к художникам-эмигрантам во Францию обнаруживают некоторые общие места. Главным являлся мотив профессиональной невостребованности за рубежом и широкие перспективы для творчества в СССР⁸. Используя в деле «проработки» художников официальные дипломатические каналы, а также письма с родины, советская власть обещала новые возможности самореализации. Для одних предложения выражались в интересных заказах, для других – в получении должностей. Так, И.Я. Билибину и В.И. Шухаеву были предложены профессорские должности в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина.

Хрестоматийными стали случаи возвращения на родину двух семейных пар: И. Билибина и А. Щекатиной-Потоцкой, а также Василия и Веры Шухаевых. Процесс репатриации, который начинался за несколько лет до физического пересечения советской границы, проходил похожие для всех этапы. Так, и Билибин, и Шухаев еще во Франции входили в круги, симпатизировавшие советской власти. Чета Шухаевых, например, была частыми гостями на вилле у издателя Люсьена Вожеля, не скрывавшего пиетета к коммунистам. Вокруг него в 1920–1930-х гг. сложился кружок людей левых взглядов: Михаил Кольцов, Илья Эренбург, Валериан Довгалецкий, Андре Мальро, Мари-Клод Вайян Кутюрье и другие. Самого Вожеля французская контрразведка считала одним из главных советских агентов во Франции [Василий Шухаев 2019, с. 39]. Что касается И. Билибина, то его контакты с советским посольством начались с доверительной беседы с французским сла-

⁶ОР ГРМ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 13. Л. 37.

⁷Александр Николаевич Бенуа и Мстислав Валерианович Добужинский: Переписка (1903–1957). СПб., 2003. С. 203.

⁸Павлинов П. Зинаида Серебрякова. Мир ее искусства. М., 2017. С. 151, 154–155; Из архива Ильи Зданевича / Публикация Режиса Гейро // Минувшее: исторический альманах. Вып. 5. Париж, 1988. С. 148–155.

вистом Андре Мазоном в 1934 г. Он пообещал свести Билибина с тогдашним представителем СССР во Франции В.П. Потемкиным [Голынец 1970, с. 245].

Следующим шагом для художников, желавших вернуться в СССР, становился контакт с официальными лицами из посольства. Потомок эмигрантов первой волны Н. Кривошеин свидетельствует:

Приходили в советские представительства и говорили: «Нам хочется вернуться, нам хочется домой, мы здесь больше не можем». Их собеседники отвечали: «Нам трудно вам поверить на слово. Докажите, пожалуйста, свой патриотизм на деле»⁹.

В случае с художниками такой «акт патриотизма» часто выражался в создании произведений искусства. Например, И. Билибин исполнил панно «Микула Селянинович» для советского посольства.

Любопытным этапом становилась отправка писем на родину потенциальными репатриантами. В фондах РГАЛИ хранится несколько посланий И. Билибина директору Третьяковской галереи М.П. Кристи:

Я, художник Ив. Як. Билибин и художница Александра Васильевна Щекотихина-Потоцкая с сыном, мы получили разрешение на обратный въезд на родину. В.П. Потемкин, которого я часто вижу, сказал мне: «Теперь пишите в Союз всем вашим знакомым и видным деятелям искусства», что я и делаю¹⁰.

Условием возвращения становилась «полезность» художника. Репатрианты старались приехать, имея четкие рекомендации: «Ехать надо на что-то определенное, на какую-то конкретную работу»¹¹. Билибин, который еще до революции снискал славу блестящего книжного графика, оформлял многие книги и периодические издания в России и во Франции, вынужден был заново «рекламировать» себя:

Пишу и рисую я, между прочим, много и с натуры, особенно природу во время летних отдыхов. Очень люблю народное творчество и, кажется, знаю его. Был долгие годы преподавателем графики и композиции и имею многих и многих моих учеников. Был бы готов продолжать и впредь педагогическую деятельность¹².

⁹ Кривошеин Н. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 220.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 176. Л. 1.

¹¹ Там же.

Я ясно вижу и сознаю буйный рост нашей Родины во всех направлениях и отраслях. Как опытный спец своего дела я предлагаю и свои скромные силы и мечтаю слиться с кадрами работников Союза по моей специальности¹³.

К слову, Михаил Кристи оставил на письме Билибина резолюцию: «Представить Бродскому, взять Билибина профессором в Академию». Упомянутый советский живописец Исаак Бродский, бывший на тот момент директором Всероссийской Академии художеств, тоже получил письмо от Билибина. В нем желавший вернуться художник жаловался на тяжелое положение за границей¹⁴. Положительному решению предшествовал звонок Бродского в секретариат Сталина с просьбой ускорить решение вопроса о приезде Билибина¹⁵. Художник вернулся на родину в 1936 г. вместе с женой – художницей А. Щекатиной-Потоцкой. Он занял должность профессора графической мастерской Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств, занимался также оформлением театральных постановок и иллюстрацией книг. Во время блокады Ленинграда художник скончался. Щекатихина-Потоцкая до ухода на пенсию в 1953 г. работала на Государственном фарфоровом заводе. Ушла из жизни в Ленинграде в возрасте 75 лет.

Формальным поводом для репатриации В.И. Шухаева стало восстановление Академии художеств. Его учитель 70-летний Д.Н. Кардовский не мог в полной мере руководить мастерской, а приход ему на смену В.И. Шухаева виделся вполне естественным ходом вещей. Кардовский и Мейерхольд были теми, кто свидетельствовал о благонадежности репатрианта Шухаева [Василий Шухаев 2019, с. 31]. Несмотря на, казалось бы, успешное трудоустройство, Советская Россия приняла художника холодно. В 1936 г. по его возвращении были устроены выставки в Москве и Ленинграде. Прямо в каталоге отмечались «отрыв от советской действительности» и «бесплодность мастерства, не заряженного большой идейностью»¹⁶. В качестве смягчающего обстоятельства анонимный рецензент сообщал, что художник

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 176. Л. 1об.

¹⁴ Там же. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 130. Л. 1об.–2.

¹⁵ *Гольнец С.В.* Иван Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. С. 275.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 345. Л. 2.

...задумал монументальное полотно «Посещение членами политбюро Парка Культуры и отдыха им. Максима Горького», которое явится коллективным портретом товарищей Сталина, Орджоникидзе, Кагановича, Молотова, Андреева и Ежова¹⁷.

Весьма показательны письма В. Шухаева директору Академии художеств И.З. Бродскому вскоре после возвращения:

Дорогой Исаак Израилевич, моя к вам нижайшая просьба оказать мне содействие в получении краски и прочего художественного материала, задержанного Ленинградской таможней до уплаты пошлины, каковую уплатить я не в состоянии¹⁸.

Жена художника Вера вернулась в СССР на год раньше мужа. В Москве она получила должность на текстильном комбинате «Красная роза», а затем – в «Трехгорной мануфактуре». Дальнейшая судьба Шухаевых сложилась трагически. В 1937 г. художник с женой были арестованы и осуждены на восемь лет лагерей. Наказание они отбывали на Колыме и в Магадане вплоть до 1947 г. После освобождения супруги поселились в Тбилиси, где в 1948 г. снова подверглись краткосрочному аресту. В течение двух месяцев руководители органов госбезопасности Грузинской ССР решали участь художника и его жены, чтобы, наконец, прекратить дело на основании того, что «Шухаеву В.И. в настоящее время 62 года, и он страдает старческой дряхлостью» [Василий Шухаев 2019, с. 43]. Причем потребовалось вмешательство известной в Грузии художницы Елены Ахвледиани, которая, добившись приема у министра госбезопасности Грузинской ССР, упала перед ним на колени со словами: «Отдайте мне этих стариков!» [Василий Шухаев 2019, с. 47, 179, 355]. Лишь в 1958 г. Вера и Василий Шухаевы были реабилитированы. Как справедливо отмечает искусствовед Н. Элизбарашвили, возвращение на родину в 1934 г. предвещало новый интересный этап в творчестве художника, однако арест и десятилетнее заключение в колымских лагерях оказались трагической вехой в человеческой и творческой судьбе Шухаева [Элизбарашвили 2008, с. 143].

Приведенные примеры не единственные. В межвоенный период помимо уже названных И. Билибина и А. Щекатихиной-Потоцкой, Веры и Василия Шухаевых из Франции в СССР возвратились художники В. Барт, Р. Генин, Н. Глущенко, скульптор Г. Лавров,

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 345. Л. 2–3.

¹⁸ Там же. Д. 312. Л. 1.

критик С. Ромов. Судьбы тех, кто решился вернуться в межвоенное время, по большей части складывались трагически. В 1930-е гг. они, как и значительная часть советских граждан, испытали на себе репрессии, многие художники-репатрианты прошли через лагеря, иные были вынуждены жить в глубокой провинции, не имея шансов реализовать свои творческие возможности [Лейкинд, Северюхин 2015, с. 444]. Для этих последних, по выражению искусствоведа А.С. Шатских,

...самым большим их жизненным успехом в Советском Союзе оказалось то, что никого из них не репрессировали – им просто повезло [Шатских, 1994, с. 342].

По оценкам О.Л. Лейкинда и Д.Я. Северюхина, в разные годы в СССР вернулось около 80 художников-эмигрантов послереволюционной волны. Имеются в виду случаи репатриации, как в межвоенный период, так и после Второй мировой войны. Невозможно не заметить, что репатриация в среде художников-эмигрантов была крайне редким явлением. Ни одному из вернувшихся не посчастливилось стать «звездой» советского искусства. Те из репатриантов, кто выжил в годы террора, а потом смог пережить тяготы Великой Отечественной войны, заканчивали жизнь скромными пенсионерами. Персональные выставки и известность на вновь обретенной родине приходили к ним лишь после смерти.

Литература

- Бочарова 2009 – Бочарова З.С. Эмигрантская периодика 1920–1930-х гг. о правовом положении русских беженцев // Периодическая печать российской эмиграции: 1920–2000. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2009. С. 158–172.
- Бочарова 2015 – Бочарова З.С. Проблема репатриации на страницах эмигрантской печати (1920-е гг.) // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения – 2014: Труды Междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 296–314.
- Василий Шухаев 2019 – Василий Шухаев: искусство, судьба, наследие: коллективная монография / Под науч. ред. Е.П. Яковлевой; Сост.: Е.Н. Каменская, Е.П. Яковлева. М., 2019. 375 с.
- Гольнец 1970 – Гольнец С.В. Иван Билибин: Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. 376 с.
- Лейкинд, Северюхин 2015 – Лейкинд О.Л., Северюхин Д.Я. Репатриация художников в СССР: Историко-биографический обзор // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения – 2014: Труды междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 426–445.

- Обухова-Зелинская 2012 – *Обухова-Зелинская И.В.* Быт русских эмигрантов в Париже эпохи «рококо» 1920-х (по материалам частных писем и сообщений родственников и друзей Ю.П. Анненкова) // Нансеновские чтения 2010. СПб., 2012. С. 40–54.
- Тарле 1997 – *Тарле Г.Я.* Эмиграционное законодательство России до и после 1917 года // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв.: Сб. ст. ИРИ РАН. М., 1997. С. 31–62.
- Толстой 2019 – *Толстой А.В.* Художники русской эмиграции (малая серия). М.: Искусство-XXI век, 2019. 344 с.
- Шатских 1994 – *Шатских А.С.* Парижская школа как «филиал» русского искусства // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. Книга вторая. М.: Наследие, 1994. С. 337–342.
- Элизбарашвили 2008 – *Элизбарашвили Н.А.* Проблемы пейзажной и портретной живописи французского периода творчества В.И. Шухаева // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья. СПб., 2008. С. 136–143.
- Янгиров 2005 – *Янгиров Р.* Юрий Анненков и Илья Эренбург. Биографии и репутации // In memoriam: Сборник памяти Владимира Аллоя. СПб.: Феникс-Atheunum, 2005. С. 299–360.

References

- Bocharova, Z.S. (2009), Emigrant periodicals of the 1920s–1930s on the legal status of Russian refugees in *Periodicheskaya pechat' rossiiskoi emigratsii. 1920–2000* [Periodical press of the Russian emigration. 1920–2000], Moscow, Russia, pp. 158–172.
- Bocharova, Z.S. (2015), “The problem of repatriation on the pages of the emigrant press (1920s)”, *Emigranty i repatrianty XX veka: Slepukhinskiye chteniya-2014* [Emigrants and repatriates of the XX century: Slepukhin readings-2014], Saint Petersburg, Russia, pp. 296–314.
- Elizbarashvili, N.A. (2008), “Problems of landscape and portrait painting of the French period of V.I. Shukhaev’s creativity”, *Izobrazitel’noye iskusstvo, arkhitektura i iskusstvovedenie Russkogo zarubezh’ya* [Fine arts, architecture and art history of the Russian abroad], Saint Petersburg, Russia, pp. 136–143.
- Golynets, S.V. (1970), *Ivan Bilibin. Stat’i. Pis’ma. Vospominaniya o khudozhnike* [Ivan Bilibin: letters, articles, memoirs about the artist], Leningrad, Russia.
- Kamenskaya, E.N., Yakovleva E.P. (eds.) (2019), *Vasilii Shukhaev: iskusstvo, sud’ba, nasledie: kollektivnaya monografiya* [Vasily Shukhaev: art, fate, heritage: a collective monograph], Moscow, Russia.
- Leikind, O.L. and Severyuhin, D.Ya. (2015), “Repatriation of artists to the USSR: A Historical and Biographical review”, *Emigranty i repatrianty XX veka: Slepukhinskiye chteniya-2014* [Emigrants and repatriates of the XX century: Slepukhin readings-2014], Saint Petersburg, Russia, pp. 426–445.

- Obukhova-Zelinskaya, I.V. (2012), "The life of Russian emigrants in Paris of the era of the 'rumbling 1920s' (based on private letters and messages from relatives and friends of Yu.P. Annenkov)", *Nansenovskie chteniya 2010* [Nansen Readings 2010], Saint Petersburg, Russia, pp. 40–54.
- Shatskikh, A.S. (1994), "Paris School as a 'branch' of Russian art", *Kul'turnoe nasledie rossiiskoi emigratsii* [Cultural heritage of Russian emigration 1917–1940, vol. 2], Moscow, Russia, pp. 337–342.
- Tarley, G.Ya. (1997), "Migration legislation of Russia before and after 1917", *Istochniki po istorii adaptatsii rossiiskikh emigrantov v 19–20 vv.* [Sources on the history of adaptation of Russian emigrants in the 19th and 20th centuries], Moscow, Russia, pp. 31–62.
- Tolstoi, A.V. (2019), *Khudozhniki russkoi emigratsii* [Artists of Russian emigration], Moscow, Russia.
- Yangirov, R. (2005), "Yuri Annenkov and Il'ya Ehrenburg. Biographies and reputations", *In memoriam: Sbornik pamyati Vladimira Alloya* [In memoriam: Collection in memory of Vladimir Alloy], Saint Petersburg, Russia, pp. 299–360.

Информация об авторе

Константин В. Краснослободцев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; constkras@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5445-6722>

Information about the author

Konstantin V. Krasnoslobodtsev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; constkras@gmail.com